

Елена Арсеньева

Последний кошмар «зловещей красавицы» (Александр Пушкин...

Часть сборника
Преступления страсти.
Ревность (сборник)

Елена Арсеньева
Последний кошмар «зловещей
красавицы» (Александр
Пушкин – Идалия Полетика –
Александра Гончарова. Россия)
Серия «Преступления
страсти. Ревность», книга 3

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162530
Преступления страсти. Ревность: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-26496-4*

Аннотация

«Старой даме не спалось. Тишина мешала. Обычно люди лучше спят в тишине, а вот ей тишина мешала. Что такое? Почему не слышно шума моря? Черное море рокочет без умолку там, внизу, у подножия Ришельевской лестницы. С другой стороны, через весь спящий, огромный город иногда доносятся свистки паровозов. Паровозы... Quel cauchemar, какой кошмар, Боже! До чего она дожила... А впрочем, неплохая они штука – паровозы. На поездах ездить куда быстрее, чем по-старинному, в каретах...»

Елена Арсеньева
Последний кошмар
«зловещей красавицы»
(Александр Пушкин
– Идалия Полетика
– Александра
Гончарова. Россия)

*Да, да, ведь ревности припадки —
Болезнь, так точно, как чума,
Как черный сплин, как лихорадка,
Как повреждение ума.
Она горячкой пламенеет,
Она свой жар, свой бред имеет,
Сны злые, призраки свои.
Помилуй Бог, друзья мои!
Мучительней нет в мире казни
Ее терзаний роковых...*
А. Пушкин

Старой даме не спалось. Тишина мешала. Обычно люди лучше спят в тишине, а вот ей тишина мешала. Что такое? Почему не слышно шума моря? Черное море рокочет

без умолку там, внизу, у подножия Ришельевской лестницы. С другой стороны, через весь спящий, огромный город иногда доносятся свистки паровозов. Паровозы... Quel cauchemar, какой кошмар, Боже! До чего она дожила... А впрочем, неплохая они штука – паровозы. На поездах ездить куда быстрее, чем по-старинному, в каретах. Так что пусть иногда гудят, даже жаль, что сейчас их не слышно. Ничего вообще не слышно! Даже ветер не шуршит в листве. Хотя ведь ноябрь на дворе, вся листва давно облетела... Ну и что? Старая дама любила слушать, как скрипят голые, лишенные листвы ветви. Дрожащие в страхе перед зимой деревья напоминали даме ее саму: она со дня на день ожидает смерти... Ну сколько можно жить?! Ей уже восемьдесят. В таком возрасте жизнь – сущая бессмыслица для женщины, особенно красавицы... то есть бывшей красавицей лет этак... в общем, много-много лет назад.

Нет, в самом деле – почему такая тишина? Мир вымер, что ли? Уж не стряслось ли чего?

Ох, как не любит она такое безмолвие! Это как затишье перед бурей. Разве позвать горничную?

Дама протянула руку к сонетке, дернула – хм, и звонка не слышно. Неужели оборвался шнур? О, служивые нерадивые! Даже здесь, в Воронцовском дворце, где живет генерал-губернатор Одессы с женой и сестрой, – служители нерадивые, болтливые, сонливые. На конюшню бы их да выпороть! Старая дама знала, что уже чуть ли не тридцать лет запрещено

пороть слуг, они уж более не крепостные, но полагала, что от этого народишко только портится. Бог ты мой, девяностые годы на дворе! Считай, исход века. Мыслила ли она, что столько времени проживет? И сколько же умудрилась пови-
дать событий, сколько народу пережила! Мужа, дочь... быв-
ших друзей и возлюбленных, врагов и ненавидимых... Во-
семьдесят лет, зачем так долго жить? Она, такое ощущение,
заживо закаменела, превратилась в некое подобие памятни-
ка самой себе.

Ну что ж, приходится рассчитывать на саму себя, никто
другой, наверное, и не позаботится о памятнике для нее. Не
то что для НЕГО...

ЕМУ открыли в Одессе памятник, как отчетливо припом-
нилось старой даме, с десятков лет назад. Старая дама была
глубоко оскорблена. Она очень хотела поехать на открытие и
плюнуть на памятник, поставленный человеку, который был
в ее понимании «изверг».

– Ну и что же не поехали?

Старая дама вздрогнула. Приподняла голову.

Чей-то голос... Голос, который доносится как бы не извне,
а изнутри, из вместилища ее воспоминаний.

Ну да, понятно – ночные призраки. Они частенько доса-
ждают ей. Видимо, они – неизбежные атрибуты старости.
Правда, обычно они молчат. Молча являются, молча исче-
зают. Отчего же заговорили нынче? Кто явился на сей раз?
Неужели... И вправду – ОН! Стоит, склонив непокрытую го-

лову, глядит исподлобья. Ветер шевелит его курчавые волосы. Ветер? Какой ветер может быть в комнате, в которой наглухо закрыты окна?! И еще... Кажется, что пышная шевелюра покрыта сединой... Но нет, ОН умер, так и не успев поседеть, это всего лишь снег. Что? Снег? Какой снег в Одессе 27 ноября? Нынче здесь, близ моря, стоит теплая, солнечная осень. Это ж не Москва, не Петербург... Да, это не Петербург, не Черная речка на исходе того промозглого, многоснежного января... ОН навсегда остался в том январском дне.

– Благодаря вам, сударыня.

Старая дама ненавидяще прищурилась, вглядываясь в темноту:

– Что?!

– Я остался в том дне благодаря вам, Идалия Григорьевна.

– А при чем тут я? – заносчиво вскинула она голову.

– Вы и только вы при чем. Вам я обязан всем тем ужасом, который обрушился на меня в последние дни моей жизни. И самой смертью я обязан вам. И прежде всего вам.

– Ну, знаете... – Старая дама негодуяще пожала полными плечами. – Не слишком-то благородно обвинять женщину в том, в чем вы сами виноваты! Как будто я выпустила в вас ту злосчастную пулю! Впрочем, я не дивлюсь вашему злословию. Вы никогда не отличались благородством. Так что зря я не поехала на открытие вашего памятника и не плюнула на него!

– Я вас уже спросил: отчего же не поехали?

– Да уж не ради вас! И не ради себя, хотя, конечно, толпы этих идиотов, ваших поклонников, которые, к несчастью, и по сию пору не вымерли, сурово осудили бы меня. Мне наплевать на них! Я не поехала на открытие вашего памятника ради своего брата. Ему не понравился бы скандал, который непременно случился бы!

– А, конечно. Ваш брат, Сашка Строганов! Если не ошибаюсь, он еще жив?

– Конечно, жив! – ответила старая дама. – Почему бы ему не быть живым? Вот я, например, тоже живая!

– Это скоро пройдет, – насмешливо проговорил черноволосый гость. – Но не будем о грустном. Сашка Строганов, да... Он меня недолюбливал, хотя году этак в тридцатом мы были с ним достаточно близки. Он тогда сватался к Наташе Кочубей, а я ему протезировал у князя Василия Кочубея. Да и у самой Наташи, я ведь знал ее чуть ли не с лицейских лет...

– Когда вы говорите о женщине – «знал ее», – брезгливо проговорила старая дама, – создается впечатление, что вы вкладываете в эти слова совершенно мерзкий смысл. Неужели с простушкой Натали Кочубей у вас тоже что-то было? Ах вы, безнравственный ловелас, который в жизни не мог пропустить мимо себя ни одной юбки...

– Кто бы так говорил, но только не вы, сударыня. Уж вам-то прекрасно известно, что существовала по крайней мере

одна юбка, которую я мимо себя пропустил – причем с величайшей охотой.

– Молчите, негодяй! – яростно вскричала старая дама.

– Напрасно надрываетеесь, Idalie, – усмехнулся ночной гость. – Меня не проймешь вашими оскорблениями. Однако любопытно было узнать, что именно Сашке Строганову я обязан тем, что вы не стали в очередной раз оскорблять мою память.

– Да, это так. Ведь я любила брата. С самого детства! Александр никогда не разбивал моих кукол, не терзал меня мальчишескими глупостями. Он никогда не видел во мне незаконнорожденную приживалку, для него я всегда была сестрой. Ему было безразлично, удочерил меня наш общий отец, когда женился на моей матушке, графине Д’Эга, или нет. Поэтому я ненавидела всех Строгановых, кроме брата.

– Я помню вашу матушку, – сказал гость, – она была красавица. Прелестная история ее жизни – история, достойная романа! Португальская графиня, влюбившаяся в русского и покинувшая ради своей любви родные места, дом, близких людей... А потом, овдовев, этот русский смог жениться на своей возлюбленной и сделать ее графиней Строгановой...

– А меня? – пылко воскликнула старая дама. – Почему меня, дитя той любви, он не сделал Италией Строгановой? Почему я таки осталась какой-то безродной Д’Обертей, пока не вышла замуж за Полетику!.. За этого болвана, простака, солдафона?!

– Солдафона? – удивился гость. – А мне Александр... Как бишь его? Александр Михайлович, если не изменяет память? Мне он запомнился вполне светским человеком. Конечно, замуж в 1828 году вы шли за ротмистра Кавалергардского полка, однако я отлично помню, что через год Полетику сделали полковником... А высших чинов ему достичь удалось или нет?

– В отставку он вышел генерал-майором, – сообщила старая дама.

– Ну вот видите – и до чинов дослужился, значит, не таким уж болваном был. И вообще, сударыня, дурно это – порочить злословием человека, который когда-то женился на вас... безродной Д’Обертей, как вы себя сами изволили называть, с которым вы прижили трех детей, который был послушной игрушкой в ваших руках... Не зря ж его называли «божьей коровкой» за излишнюю мягкость характера! Он свято верил вам и распространял свою веру столь далеко, что стал свидетелем на свадьбе вашего любовника Дантеса с сестрицей моей жены... Право слово, вам надо было молиться на Полетику, который снисходительно терпел вас. И не только терпел, но и охотно участвовал в ваших безнравственных эскападах...

– Безнравственных?! – так и вспыхнула старая дама. – Бог мой! И это вы говорите мне о нравственности?! Вы?! После того, что вы вытворяли в жизни... Да если когда-нибудь кому-нибудь придет в голову подсчитать количество ваших лю-

бовниц и опубликовать ваш донжуанский список, там небось окажется более сотни имен!

– Гораздо более сотни, вы совершенно правы, – кивнул гость своей черноволосой кудрявой головой. – Так много, что даже я с течением времени путаю и имена, и стихи, которые были посвящены моим прелестницам. Однако я совершенно точно могу назвать одно имя, которого не было, да, никогда не было в моем, как вы изволили выразиться, донжуанском списке. Назвать вам его, *Idalie*?

– Молчите, изверг! – выкрикнула старая дама. – Молчите, а лучше подите вон! Я вообще не понимаю, за каким дьяволом вы притащились ко мне среди ночи. Оскорблять меня? Я довольно натерпелась оскорблений от вас и ваших почитателей, этих *des nigauds*, болванов, которые называют вас солнцем русской поэзии. Да что они понимают в поэзии!

– Когда-то и вам нравились мои стихи, – проговорил гость. – Помните, вы даже в свой альбом меня просили кое-что написать? И я написал, и вы с восхищением внимали фимиаму, который я расточал вам в тех стихах... А потом изорвали листок в клочки, ничего не оставив моим будущим почитателям!

– Вы мне расточали фимиам? Это был не фимиам, а ядовитый дым! – злобно воскликнула старая дама. – Да, вы наизнали в том стихотворении целое ожерелье комплиментов, но помните, что написали в конце? Тогда на дворе стоял июль, а вы написали – «1 апреля»! Это значило, что ни еди-

ному слову ваших комплиментов нельзя было верить!

– Ну, это была только шутка, – пожал плечами гость. – Мало ли таких шуток я отпускал в жизни? Никого они не сводили с ума. Неужели из-за подобной чепухи вы так обиделись, что решили сжить меня со свету? Ведь вы буквально испепеляли меня своей ненавистью! А потом, когда появился Дантес, вы решили его сделать орудием своей обиды, злобы, ненависти ко мне.

– Да, обиды, да, злобы, да, ненависти! – пылко повторила старая дама. – Но раньше я испытывала к вам совсем другие чувства. Вы сами виновны в том, что я вас возненавидела.

– Помилуйте, Idalie! – всплеснул руками гость. Руки у него были на диво красивы: точеные, с изящными пальцами. На мизинце ноготь был длиннее прочих и ухожен с необычайным тщанием. – Помилуйте! Не могу поверить, что вы не могли простить мне той невинной сцены в карете! Помнится мне, я расшалился, сказал вам, что в карету вбежала мышка... Вы завизжали, подхватили юбки выше колен...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.